

А.В. ТУРЧИК

КОНВЕРСАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ СМЕХА В РЕЧЕВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ: СЛУЧАЙ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОЦЕНОК ВЛАСТИ

Исследуются неартикулируемые оценки власти, высказываемые интеллектуалами в процессе опроса. В качестве источника информации рассматривается смех, а также некоторые другие сопутствующие диалогу элементы (паузы, вздохи и т. д). Основным инструментом анализа является разговорный анализ. С его помощью раскрываются следующие проблемы: каков контекст разговора о власти, какова последовательно-очередностная организация подобной беседы и каким образом в нее инкорпорирован такой антропологический элемент коммуникации, как смех. Предпринимается попытка выявить неформализованные способы и методы оценки власти здесь-и-сейчас, роль смеха как определенной стратегии говорения о власти участниками коммуникации.

Ключевые слова: разговорный анализ, смех в речевом взаимодействии, интеллигенция.

*Однажды, говоря о Егоре, Павел сказал:
– А знаешь, Андрей, всего больше те люди
шутят, у которых сердце ноет...
Хохол помолчал и, прищурив глаза, ответил:
– Будь твоя правда, — вся Россия со смеху
помирала бы...*

М. Горький. «Мать»

Обсуждение отношений власть–народ–интеллигенция набрало новую силу в постсоветское время, когда российская интеллигенция почувствовала свою явную оппозиционность правящей элите. Где только ни разворачивался дискурс на тему власти: от «кухонных» посиделок до публичных телевизионных дебатов¹. Взаимоотношения

Турчик Анна Васильевна — аспирант Института социологии РАН.
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.
Телефон: 8 (915) 372–46–67.

Электронная почта: annaturchik@gmail.com

Автор благодарит за обсуждение статьи и проявленный интерес к работе А.М. Корбута и Д.М. Рогозина.

¹ Примером может служить дискуссия, организованная политклубом «Известия», в рамках которой рассматривались перспективы отношений между интеллигенцией и властью [http://www.inauka.ru/intelligent/article75688.html].

элементов этой триады затрагивались в исследовании интеллектуально-активной группы². Одним из программных вопросов в нем стала оценка действий современной российской власти («Как Вы, в основных чертах, описали бы политику российской власти в настоящее время? Что вызывает Ваше наибольшее одобрение/осуждение?»).

Вопрос звучит обобщенно и предполагает, что опрашиваемые, будь то публицисты, ученые, деятели искусств и т. д., самостоятельно выберут наиболее актуальное для них дискурсивное поле в необъятном пространстве, именуемом «оценкой власти». Но дело не только в вербальных характеристиках. Зачастую в том, как звучит вопрос и каким образом реализуется «последовательная структура разговора» (*turn-sequencing structure of talk*), куда инкорпорированы и невербальные элементы коммуникации (смех, вздохи, паузы), эксплицируются важные непроговариваемые, но подразумеваемые смыслы. Существенным компонентом такой оценки выступает ирония³ или «смех ума» [7]. На наш взгляд, наиболее продуктивный метод для изучения проявлений иронии, то есть того, что подразумевается, но не проговаривается, — разговорный анализ⁴.

Как известно, ирония — неотъемлемое слагаемое менталитета интеллигенции, в особенности когда речь заходит об отношении к власти. Во все времена, когда последняя переставала обращать внимание на контраргументы и адекватно реагировать на них, когда силой подавляла инакомыслие, интеллигенция отвечала иронией,

² Статья написана по материалам исследовательского проекта некоммерческого фонда «Наследие Евразии» — «Мыслящая Россия: интеллектуально-активная группа» (2007–2008), поддержанного Общественной палатой РФ. Руководитель проекта В.А. Куренной. Исследование включало проведение 20 круглых столов в 13 городах России, а также 100 интервью с представителями интеллектуальной элиты (публицисты, журналисты, преподаватели высшей школы, руководители неправительственных организаций и т. д.). Выбор участников круглых столов и собеседников для интервью осуществлялся по институциональному принципу. Участники семинара должны были иметь доступ к центрам производства интеллектуальных продуктов и быть публичными людьми.

³ Понятие имеет многозначное толкование. В данном случае мы рассматриваем иронию как некий «смутный образ», который представляет форму экспликации (в виде смеха, улыбок, вздохов) того, что подразумевается.

⁴ Традиционный способ расшифровки интервью предполагает механическую фиксацию услышанных слов и, как правило, не подразумевает внимания к таким слагаемым коммуникации, как паузы, шумы, вздохи, смех, интонация, темп речи и т. д.

порой весьма жесткой, на грани сарказма. В русской литературе и публицистике немало «ядовитых» комментариев, замечаний и откликов на действия правящей элиты. Примером может служить известный в 1970-х годах жанр иронической прозы, которая публиковалась на шестнадцатой полосе «Литературной газеты». Понятие человека иронического, введенное в оборот еще в 1940-х годах [25, с. 255], стало вполне подходящим для описания отношения власти к интеллигенции.

Цель статьи — обратить внимание не на содержание ответов, а на то, как происходит беседа в контексте разговора о правящей элите, какова последовательно-очередностная организация и каким образом в разговор инкорпорирован такой несловесный элемент коммуникации, как смех. Наш интерес заключается в обнаружении способов и методов, благодаря которым оценка власти выстраивается «здесь-и-сейчас», в качестве ситуативного компонента интервью. Как говорят о власти в формате интервью? К каким речевым стратегиям прибегают обсуждающие власть? Каким образом смех (ирония) становятся определенным способом рассуждения о власти?

«Люди сначала смеялись, а потом появились комики»⁵

Смех и комическое являются предметом дискуссий еще со времен античной философии. В «Поэтике» Аристотель выразил мысль, надолго поселившуюся в умах философов: комическое это «...ошибка и уродство, но безболезненное и безвредное» [1, 1432a, 32; см. также: 24]. Позже философы, психологи, этологи пытались так или иначе объяснить, описать, прояснить природу смеха. Одну из первых классификаций предложил шотландский философ Дж. Битти, выделив два его основных вида: смех от щекотки, или «животный» смех и смех «сентиментальный», то есть тот, который присущ только человеку и вызван психологическими факторами [11]. Рассмотрим кратко подходы к проблеме смеха, которые мы использовали в своем исследовании.

Наиболее обстоятельная попытка охарактеризовать смех как особое поведение, характерное исключительно для человека, осуществлена Хельмутом Плеснером, стоявшим у истоков современной философской антропологии [18]. Смех, согласно Плеснеру, — весьма сложное поведение, это не просто реакция организма, подобная чиханию или зевоте. Вместе с тем это реакция физиологическая и нельзя сказать, что смех находится под нашим осознанным контролем. Если происходит «взрыв» смеха, то вряд ли

⁵ Слова взяты из работы 1804 г. Жана Поля (настоящее имя Иоганн Пауль Фридрих Рихтер) — немецкого писателя и публициста, автора сатирических произведений [6, с. 145–146].

можно тут же остановиться и стать серьезным. «Это не мое тело, а Я, кто смеется... и по какой-то причине, по поводу чего-то» [18, с. 25]. Мы не смеемся «так же целенаправленно, как когда выбираем слова в речи» — вторит немецкому антропологу Р. Провайна [19, с. 49]. Смех, как и плач, не является сознательной передачей какой-то информации, они целиком «захватывают» человека, в них проявляется определенное психическое состояние. Смеясь, человек утрачивает сознательный контроль и «эксцентричную» (как ее называет Плеснер) позицию. Недоразумения по поводу этого феномена связаны, по мнению Р. Провайна, с гипотезой «рациональной личности», из которой следует, что решение смеяться является обоснованным и сознательным выбором, инициируемым здравым смыслом. Во многом это происходит потому, что отсутствует четкое разделение на смех и комическое, смех и юмор. Зачастую смех рассматривают в схеме «стимул-реакция», где стимулом выступают некоторые слова или действия, а реакцией — выбор между смехом и «несмехом». А.А. Сычев и А.В. Дмитриев также отмечают, что понятия «смех» и «юмор» постоянно «переливаются из одного смыслового русла в другое, самым парадоксальным образом меняя значения и ассоциации, с ним связанные...» [5, с. 5].

Между тем, по данным Р. Провайна, проанализировавшего более 1200 разговоров, в большинстве из них (примерно 80%) смех не являлся ответом на юмор, он в большей степени сопровождает разговор, нежели выступает реакцией на смешные высказывания. В ряде случаев, смех вообще относился к иным коммуникативным стратегиям, скажем, к вежливости или поддержанию социальности [19, с. 43–53]. Л.В. Карасев сводит все проявления смеха к двум принципиально отличным типам: «смех тела» и «смех ума». В первом случае смех характеризуется как нечто «витальное», «телесное», что свойственно не только людям, но и животным. Этот тип смеха чаще всего напрямую связан с реакцией на удовольствие, когда человек выражает радость, восторг, ликование. Второй тип предполагает собственно комическую/ироничную оценку окружающей действительности и представляет собой «синтез эмоции и рефлексии» [7]. Именно о втором типе смеха мы говорим, когда пишем о проявлении иронии как того, что не *проговаривается*, но *подразумевается*.

Таким образом, есть все основания рассматривать смех не только как внутреннее психологическое состояние личности, но и как важный коммуникативный ресурс, осознанно или бессознательно используемый актором в диалоге. Мы попытаемся выйти за рамки рассмотрения смеха как ответа на юмор (юмор независим, существует

еще до смеха), представить его в качестве маркирующего референта, чего-то смешного или игрового (по И. Гофману и Г. Бейтсону). Смех — это неотделимая часть коммуникации, такой же значимый элемент структуры разговора, как и слова. Смех может выступать и как реакция на шутку, и как вежливая форма поддержания коммуникации, и как издевка и т. д. Вместе с тем он дает возможность собеседникам в форме, не требующей специальных пояснений, выстраивать диалог, скажем: понял – не понял, принял – не принял.

Смех во взаимодействии

Конверсационный анализ исходит из допущения: люди выстраивают коммуникацию таким образом, что она оказывается систематичной, упорядоченной и доступной описанию. Соответственно, основная цель конверсационного анализа заключается в том, чтобы описать те методы, которыми руководствуются люди в «производстве» повседневной жизни. Исследователь-конверсационалист при изучении обыденной (институциональной или неинституциональной) коммуникации руководствуется тремя основными принципами [13, с. 241]:

- вербальное взаимодействие является структурно организованным;
- вклад, вносимый каждым из участников взаимодействия, обусловлен контекстом коммуникативной ситуации;
- обозначенные выше характеристики «натуралистичной» речи актуализируются в *каждой* детали разговора, следовательно, нельзя рассматривать ни одну из них как малозначимую, случайную или «неправильную».

Объектом изучения является в данном случае не язык как таковой, а *коммуникативная организация социальной деятельности* [14, с. 14]. Иначе говоря, конверсационный анализ нацелен на изучение производства и интерпретацию порядка, структуры «разговорного взаимодействия» (talk-in-interaction), ориентированного на самих участников. Смех, наряду с другими *наблюдаемыми* слагаемыми коммуникации, естественным образом инкорпорируется в разговор, а значит, может быть изучен и описан в исследовательской перспективе конверсационного анализа. Странники данного метода⁶, прежде всего, обращают внимание на две ипостаси смеха: как мы «делаем» смех (do laughter), то есть производим его наряду с любыми другими слагаемыми коммуникации, и как смех «делает» нас, то есть вносит свой вклад в создание смыслов, указывает на нашу идентичность,

⁶ Среди авторов, в работах которых смеху в коммуникации уделяется большое внимание, — Ф. Гленн [12], М. Хаакана и, конечно же, основатели конверсационного анализа — Харви Сакс, Гейл Джефферсон и Эммануэль Щеглофф [21, 22].

взаимоотношения с окружающими и т. д. [12, с. 3]. С одной стороны, контекст коммуникации влияет на проявление смеха в разговоре, с другой — смех, выполняя свою метакоммуникативную функцию (по Бейтсону, далее Гофману), «фреймирует» контекст взаимодействия таким образом, что участники коммуникации способны определить ситуацию как игру, флирт и т. д.

Анализ смеха в разговоре одними из первых предприняли Гейл Джефферсон и ее коллеги Х. Сакс и Э. Щеглофф⁷. В 2003 году в свет вышла книга Ф. Гленна «Смех во взаимодействии» — первая монография, посвященная разговорному анализу смеха в повседневном взаимодействии. Гленн замечает, что в рамках тех подходов, которые объясняют и изучают смех исключительно как индивидуальное поведение, исследователи пренебрегают его коммуникативной природой. Исследователи-конверсационалисты подчеркивают «неизлечимо-ситуативную» природу смеха [16, 17]. Смеется ли кто-то, над чем, в какой момент, как долго и т. д. — все это связано и обусловлено социальными факторами [12, с. 163].

Вслед за Ф. Гленном мы обратили внимание на проявление смеха и смешного в проговаривании исследователями и представителями интеллектуально-активной группы вопросов и ответов относительно деятельности современной российской власти. Как преломляются обозначенные идеи в результатах исследования относительно деятельности современной российской власти? Автор интерпретирует эмпирический материал, представленный в виде расшифровок фрагментов интервью, составленных по методике Г. Джефферсон⁸.

Смех в вопросах и ответах относительно современной российской власти уже сам по себе говорит об ее оценке. Такая оценка включает в себе иронию, насмешку и общее пренебрежение к деятельности власти. Вместе с тем смех, будучи одним из проявлений экстралингвистической речи, является определенной стратегией говорения о власти, которую использует в коммуникации не только респондент, но и интервьюер.

Фрагмент 1

1. И: вот вы уже упомянули там о ↓власти (1) а:: как вы в целом сейчас
2. оцениваете российскую власть ↑как вы к ней [↓ххххотн^{ос}итесь?
3. Р: [↑власть?
4. И: ↓да (.) власть
5. Р: .х ух ух ух
6. И: что что-нибудь вызывает одобрение? А что осуждение?
7. Р: .х (2) хходобрение, говоритехх? Ну об этом сложно судить

⁷Речь идет, прежде всего, о работах Г. Джефферсон «Заметки о последовательной организации смеха в разговоре» (Notes on the sequential organization of laughter in conversation, 1974) и «Техника “приглашения” к смеху и его последующее принятие/непринятие» (A technique for inviting laughter and its subsequent acceptance or declination, 1979).

⁸ В конце статьи приведен словарь транскрипций Г. Джефферсон.

Обратим внимание на то, как выстраивается структура данного фрагмента. Интервьюер задает вопрос (строки 1–2) об оценке власти и окончание реплики — слово «относитесь» — проговаривает со смехом, демонстрируя тем самым, что он как бы извиняется за заданный вопрос. На этом слове происходит так называемый «нахлест»⁹ (строка 3), когда респондент уточняет, правильно ли он понял вопрос. Скорее всего, в данном случае информант переспрашивает с целью несколько оттянуть время ответа, поскольку затрудняется ответить. Подтверждением является произнесенное со вздохом «ух ух ух» (строка 5). Интервьюер, в свою очередь, распознает реплику собеседника как затруднение в ответе или как просьбу: «мне нужно некоторое количество времени, чтобы выбрать форму ответа» и «ремонтирует»¹⁰ коммуникацию тем, что переформулирует вопрос (строка 6), с одной стороны, предоставляя собеседнику некоторое время, с другой стороны, предлагая ему выбрать, на какой из двух вопросов ему было бы комфортнее отвечать. Далее респондент из двух альтернатив (слов «одобрение» – «осуждение») выбирает первое и «обрамляет» его смехом (строка 7). Тем самым, информант, на самом деле, уходит от прямого ответа на вопрос относительно одобрения или осуждения, еще раз показывая интервьюеру свое затруднение с ответом. В целом в этом фрагменте мы наблюдаем ситуацию, когда оба собеседника принимают то или иное решение о том, как именно им говорить о власти здесь-и-сейчас. Интервьюер размышляет, как побудить респондента дать более-менее содержательный ответ на вопрос о власти, который может быть: а) неудобным, б) слишком абстрактным, с) глупым. Информант, в свою очередь, пытается решить, как же отвечать на вопрос, чтобы не выглядеть предвзятым. Эти затруднения во многом «снимаются» с помощью смеха.

В приведенном фрагменте смех встречается дважды: во время вопросительной реплики интервьюера (на слове «относитесь») и во время переспрашивания респондента (на фразе «одобрение, говорите?»). В данном случае смех интервьюера и смех респондента — о разном. Интервьюер смеется «над» своим вопросом, тем самым как бы смягчая его и ситуацию коммуникации в целом.

⁹ «Нахлест» (overlap) — одно из распространенных нарушений последовательностной организации разговора, когда два или более участников коммуникации начинают в какой-то момент говорить одновременно. Обозначается левой квадратной скобкой.

¹⁰ «Ремонт» (repair) — одна из основных категорий конверсационного анализа, обозначающая широкий спектр поправок в коммуникации, связанных с различными явлениями: нахлестами, переспрашиванием, молчанием, всем тем, что вызывает трудности коммуникации.

Возможно, он чувствует в этом необходимость, поскольку считает этот вопрос «скользким». В то же время, в отличие от смеха интервьюера, смех респондента — это смех по поводу «одобрения» власти, а не по поводу самого вопроса интервьюера.

Вместе с тем и тот и другой смех отсылают нас к одному — отношению к власти. Интервьюер как бы говорит: «Я, конечно, представляю себе, как именно вы относитесь, поскольку я и сам так же отношусь, но вот есть такой вопрос, на который необходимо ответить, вы уж меня простите, что я вам его задаю». В свою очередь, информант, акцентируя смехом внимание на слове «одобрение», как бы «поддерживает» смех интервьюера, подчеркивая при этом, что об одобрении говорить либо не приходится вовсе, либо приходится, но не без смеха, не без иронии.

Рассмотрим еще один пример, где речь идет о выделении властями средств на расширение академгородка в Новосибирске.

Фрагмент 2

1. Р: Денег три ↓миллиарда=
2. И: =угу
3. (1)
4. Р: и то непонятно то ли ↓выделены то ли ↑нет=
5. И: =угу=
6. Р: =и когда будут (1) поэтому (.) придется ограни::чи::ть
7. [возможностями
8. И: [ага все xxx(')
9. Р: ↓да (.) придется ограни::чи::ть=
10. И: =xx=
11. Р: =как ограничим?=
12. И: =угу=
13. Р: =очень хорошо ограничим (2) мы построим сначала корпус для
14. администрации
15. И: xx ха ха ха xxxx ((4 сек))
16. Р: ну::[в о:бщем] идея понятна, дахх? (.) и вот таких вот проблем
17. И: [xx хорошо что]
18. Р: большое количество что в общем на самом деле (...)

Как можно заметить, опрашиваемый путем паузации между словами и удлинением слогов в слове «ограничить» акцентирует внимание интервьюера на том, что именно предпринимают власти для решения какого-то вопроса (строка 6). Обратив внимание на это удлиненное слово в реплике респондента, интервьюер принимает очередь¹¹ (to take turn) на себя и со смехом что-то произносит (не совсем понятно что). Происходит нахлест (сторки 6–7). Информант

¹¹ Понятие «очередь» также является одной из базовых категорий конверсационного анализа. Поэтому в тексте понятия очереди, очередности, принятия очереди на себя употребляются без кавычек. В данном случае это не метафора, а часть тезауруса.

замечает иронически-смешливую реплику интервьюера, одобряет его «правильный» смех и в следующей реплике (строка 8) вновь повторяет слова «придется ограничить», усиливая тем самым значимость предыдущей реплики. Завершив описание ситуации (строка 11), интервьюер принимает очередь на себя и реагирует на реплику собеседника смехом (строка 12), тем самым, показывая респонденту, что он поддерживает его негативную реакцию и также насмехается над этой ситуацией. Следующей репликой (строка 13) респондент опять-таки «одобряет» смешливую реакцию интервьюера на свои слова и квалифицирует ее как «правильную, уместную», поскольку риторическим насмешливым вопросом «идея понятна, да?» намекает интервьюеру, что тот верно оценил ситуацию и воспринял ее так же иронично, как и сам респондент. Кроме того, последний дает понять, что его слова следует интерпретировать как некое обобщение, как бы говорит: «так обычно происходит; чего еще ждать от чиновников, ворующих деньги». Своими репликами (строки 10, 12) респондент демонстрирует то, как обычно «делаются дела». В результате, когда респондент понял, что интервьюер уловил его отношение к подобной ситуации, то не стал уточнять, продолжать, приводить другие факты и т. д., а лишь заключил: «и вот таких вот проблем большое количество» (строки 15–17). Вполне вероятно, что если бы интервьюер не рассмеялся (строка 14), респондент продолжил бы свою «линию», привел бы другие факты, подобрал бы более «оценочные» слова и т. д., но поскольку интервьюер продемонстрировал, что верно уловил интонацию респондента, этот разговорный эпизод логически завершился.

В данном фрагменте смешливые интонации респондента, а также смех интервьюера на реплики «интеллектуала» говорят не только об ироническом отношении к проговоренной ситуации, к власти вообще. Подобные проявления смешного указывают на аффилятивную функцию смеха. По мнению Ф. Гленна, одной из значимых функций смеха является демонстрация присоединения к членству какой-либо группы [12, с. 20]. Шенкайн также отмечает, что смех служит одним из способов предлагать или же демонстрировать идентификацию собеседников как членов одной и той же группы. Хахаха-реакция второго говорящего может быть услышана как поддержка некоторых несерьезных высказываний первого говорящего [23, с. 371].

Если обратить внимание на общую структуру фрагмента беседы, то станет заметно, что интервьюер довольно часто «вклинивается» в ответы собеседника. Как это происходит? Интервьюер не вносит никаких содержательных реплик, он лишь пытается удержать диалоговую форму общения. Все, что делает интервьюер — поддакивает и посмеивается практически в момент речи собеседника.

Это может говорить о том, что исследователь стремится поддержать собеседника, дать ему возможность развивать свой, по сути, монолог, а также проявляет стратегию вежливости, демонстрируя смех там и тогда, когда его подразумевает сам респондент, то есть респондент произносит намеренно смешную фразу и интервьюер на нее так же со смехом отвечает. Можно сказать, что смех выступает маркером понимания и принятия смыслов коммуникации.

Рассмотрим еще один фрагмент.

Фрагмент 3

1. И: теперь у меня (.) ↓такой (.) ну: несколько вопросов уже: о: ваших
2. ↓личных (.) оценках и ↓представлениях. Вот. (2) Тако- ↓такой вопрос
3. (2) э:: ххх (0,5) вот э: (0,5) скажите пожалуйста что у вас э:: ↑лично э:::
4. (1) со стороны (.) вот↓сегодняшней российской власти (.) вызывает
5. наибольшее одобрение и осуждение?
6. Р: .хх.
7. И: ну:: [одобрение а с другой стороны
8. Р: [..х легче конечно же естественно об ххобсуждении говоритьхх
9. прежде всего (2) .х э:: ммм:: что касается того (.) что вызывает
10. наибольшее неодобрение >это конечно ↓лицемерие< (...)

Обратим внимание на то, как интервьюер задает программный вопрос (строки 1–5): многократные паузы различной длительности, междометия, повторения слов, но главное, на что мы хотим обратить внимание, — смех после слова «вопрос». За этим словом следует реплика, эксплицирующая сам вопрос. Однако прежде чем произнести реплику интервьюер проговаривает междометие «э», за которым следует смех. Кроме того, он трижды повторяет слово «такой», но каждый раз затрудняется определить какой такой вопрос он предполагает задать. Все это создает ощущение «неудобного» вопроса — то есть такого, за который хочется извиниться, «оттянуть» момент его проговаривания. Сам респондент опять-таки смеется «над» своим вопросом, тем самым, с одной стороны, выражая некий конфуз по отношению к собственному вопросу, а с другой стороны, демонстрируя принадлежность к «стороне» собеседника.

Что происходит далее? Респондент, квалифицируя реплику исследователя именно как вопрос, в качестве ответа делает глубокий вздох (строка 6). Интервьюер интерпретирует подобную реакцию респондента как затруднение в ответе, поскольку далее пытается отремонтировать свой вопрос — начинает реплику с уточняющего «ну» и стремится пояснить вопрос (строка 7). Однако после этого в последовательности разговора происходит нахлест (строки 7–8), когда респондент после названного уточнения начинает отвечать на изначальный вопрос интервьюера, не предоставляя возможности последнему его отремонтировать (строка 8). Ответ снова начинается с вздоха, что еще раз подчеркивает затруднительность вопроса или его

«неудобность», и далее респондент продолжает отвечать, со смехом акцентируя внимание исследователя на том, что об осуждении говорить легче. Смехом в голосе собеседник, с одной стороны, отвечает на смех исследователя, услышанный в вопросе (строка 2), тем самым поддерживая исследователя и одобряя его позицию, с другой стороны — иронизирует по поводу того, что о хорошем говорить не приходится, а если и приходится, то с трудом, а не с той легкостью, с которой можно говорить об осуждении.

В данном фрагменте мы снова наблюдаем то, каким образом смех выполняет функцию аффилиации, когда собеседники «присоединяются» друг к другу, представляют одну «сторону». В данном случае, возможно, вообще не имеет смысла делить участников на респондентов и интервьюеров. Скорее, речь должна идти об участниках и неучастниках, о сторонах взаимодействия. Как замечает Г.Б. Юдин: «...все опрошенные объединяются малой социальной дистанцией по отношению к интервьюеру и / или исследователю. При такой постановке вопроса традиционное различие исследователь / респондент более не может считаться легитимным. Его место должно занять различие участник / неучастник опроса. С одной стороны, существуют исследователи общественного мнения и их респонденты, с другой — неотвечающие, причем эти две категории отделены друг от друга несколько расплывчатым понятием социальной дистанции» [10, с. 54].

В этой связи стоит вспомнить идею Э. Щеглофа о системе различения сторон разговора. Он обращает внимание на то, что очень часто мы имеем дело не с диалоговой формой общения, где реализуется так называемая «линейная очередность» (А-В-А-В и т. д.), а с «реальной» формой общения, когда участвуют три человека и более и схема теряет свой линейный вид [22]. Она может принимать различные комбинации или, как отмечает автор, вообще не имеет определенного алгоритма. Взаимодействие происходит не столько между отдельными лицами, сколько между так называемыми сторонами (parties), которые, в свою очередь, состоят из отдельных лиц [22, с. 33]. В нашем случае смех «притягивает» участников коммуникации на одну «сторону», а предмет смеха, то есть «власть» и все, что с ней связано, предстают в качестве другой «стороны». Так, отмечает конверсационалист, в некоторых случаях (характерных для определенных тем и последовательностей взаимодействия) совокупность лиц, которых И. Гофман называет «санкционированными участниками» (ratified participants), образует «сторону» взаимодействия, и этих сторон может оказаться меньше, чем реально взаимодействующих лиц. Например, три пары, обсуждающие планы на вечер, представляют во взаимодействии именно три пары, а не шесть взаимодействующих. Относительно

наших фрагментов мы можем сказать, что смех участников коммуникации объединяет их в одну «сторону», а предмет смеха, то есть «власть» — в другую сторону. Таким образом, можно ввести еще одно значимое различие в исследованиях смеха и смешного в коммуникации — различие смеха «с» и смеха «над» (laughing at и laughing with). Ф. Гленн подробно останавливается на описании этих двух «видов» смеха. Смех «над» демонстрирует в разговоре дистанцию, некоторое пренебрежение и чувство превосходства, иронию, другими словами, насмешку, а смех «с» — принятие, одобрение, присоединение к группе и т. д. [12, с. 112–113]. При этом в ситуации диалога, когда обе стороны смеются, чаще всего речь идет именно о смехе как проявлении участия, одобрения, поощрения и принятия того, о чем говорит собеседник.

В приведенных фрагментах наблюдается как бы совмещение смеха «над» и «с». Ведь если разделять членов коммуникации на исследователя и респондента, то тогда это будет смех «с», а если представить респондента и интервьюера как одну «сторону», а предмет смеха — как другую «сторону», то это уже будет смех «над», то есть проявление дистанции, пренебрежения, иронии и т. д. по отношению к власти.

То же самое наблюдается в следующем фрагменте.

Фрагмент 4

1. И: ну это странная какая-то тенденция
2. Р: ну: это печальная [тенденция
3. И: [странная тенденция
4. Р: что ж тут поделаешь(.) такова воляххх глобальхххного капитализма
5. И: ха ха [ха
6. Р: [ха ха ха
7. И: А есть что-то что вызывает хоть какое-то одобрение в текущей ситуации связанное с властью? (2) хоть что-то хоть что-то делает
9. властьххх чтобхх по крайней мере [отторххжения не вызыватьххх
10. Р: [ха ха ха
11. Р: ну она говорит много правильных слов которые не вызывают
12. отторжения, просто этот гэп (.) как он называется пропасть между
13. риторикой и реальными делами настолько велика, что даже как-то
14. печально об этом говорить(...)

Интервьюер маркирует какую-то ситуацию как странную, и респондент усиливает оценку ситуации, квалифицируя ее как печальную (строки 1–3). После этого респондент со смехом замечает, что такова «воля глобального капитализма» и изменить эту ситуацию невозможно: «что ж тут поделаешь». Олицетворяющая власть воля глобального капитализма как некая верховная сила «правит» миром и создает такую печальную тенденцию. Поддержав ироническое замечание респондента, интервьюер начинает смеяться, практически тут же смех подхватывает респондент. Здесь наглядно проявляется

одно из характерных свойств смеха в разговоре — «легитимное» нарушение правил разговора, отказ собеседников от необходимости следовать главному принципу взаимодействия «единовременное участие одного лица»¹². В обычном разговоре, если собеседник пропустил соответствующее место перехода (*transition relevance place*¹³) и возможность что-то сказать по тому или иному поводу, ему такая возможность может более не представиться. Со смехом ситуация обстоит иначе. Смеяться можно в унисон, а можно присоединиться к уже звучащему смеху (именно это и наблюдается в приведенном фрагменте).

Далее интервьюер интерпретирует предыдущий ответ респондента как негативную оценку власти, после чего пытается выяснить, есть ли что-то, что поддается *положительной* оценке. Конец фразы: «чтобы, по крайней мере, отторжение не вызывать» сопровождается явным смехом (строки 7–10). Респондент вновь подхватывает смешливую интонацию интервьюера и начинает смеяться вместе с ним (строка 11). Таким образом, мы вновь наблюдаем, как интервьюер и респондент образуют единую интеллектуально-эмоциональную общность или «сторону», которая эксплицирует в разговоре смех «над». Совместный смех может служить индикатором «партнерства» и совпадения перспектив участников коммуникации. Подобный смех имеет не спонтанный, а последовательный характер: сначала один из участников разговора начинает смеяться, собеседники ему вторят, как бы принимая «приглашение» к смеху [9, с. 180].

Исследователи, в свою очередь, также демонстрируют свою принадлежность к опрашиваемой интеллектуально-активной группе, хотя и не говорят об этом открыто. Они обращаются к смеху в ходе разговора, причем не в любом месте, спонтанно, а там, где смех был бы понят и адекватно интерпретирован собеседником, то есть когда за смехом прочитываются фразы: «я думаю, так же, как и ты» или «я поддерживаю тебя» и т. д.

Важным является вопрос о том, кто смеется первым. В наших фрагментах первым всегда смеется интервьюер, и это обстоятельство еще раз указывает на то, что именно исследователь стремится «сократить дистанцию», что весьма логично. Впрочем, существуют важные детали. В двух фрагментах исследователь смехом реагирует на нечто, произнесенное в предыдущей реплике *собеседником*, а в

¹² Правило «One party at a time» — один из базовых принципов любой коммуникации [21].

¹³ «Подходящее место для перехода»: момент, которым заканчивается единица очередности — очереди, то место, когда и где возможна смена говорящих.

других двух фрагментах интервьюер сопровождает смехом свой *собственный* вопрос. Варианты ситуации с «первым засмеявшимся» позволяют участникам взаимодействия демонстрировать собеседникам свои «отношения» как по поводу смешного в разговоре, так и относительно друг друга и всего контекста общения [12, с. 109]. Когда интервьюер смехом отвечает на реплику респондента и тем самым предлагает свою поддержку или проявляет аффилиацию с собеседником, диспозиция достаточно внятна: предшествующий смеху «смешной» (laughable) элемент принадлежит респонденту. Более сложной является ситуация, когда исследователь смеется не в ответ на реплику собеседника, а на собственную реплику, как бы предвосхищая реакцию респондента. Здесь проявление ироничного эксплицируется наиболее явно. У интервьюера есть определенные ожидания относительно того, как респондент отреагирует на вопрос относительно оценки власти: ничего однозначно положительного представители данной группы сказать про власть не могут, а потому заранее, еще не дождавшись ответа, исследователь смехом показывает не только свою принадлежность к той же группе, но и высмеивает вопрос, как бы извиняясь за него перед собеседником, подразумевая следующее: «Я примерно представляю варианты ответов на вопрос и понимаю, почему ответы могли бы быть именно такими, но Вы уж меня извините, я его все равно задам».

Высмеивание того, что не проговаривается, и вместе с тем одинаково интерпретируется обоими участниками разговора означает: это «нечто» поддерживается собеседниками, что и выражается в совместном смехе. Иными словами, смех является одним из способов, посредством которых повседневная жизнь становится объяснимой, а значит *нормальной, правильной, упорядоченной и моральной*. Вместе с тем на примере анализа разговоров о власти мы показали, как смех проявляет себя в конструировании здесь-и-сейчас оценки власти, как определенным образом упорядоченные элементы «смеха ума» демонстрируют подразумеваемое, но непроговоренное.

Конверсационный анализ, благодаря возможности детального изучения записей и транскриптов, позволяет не только сделать видимым порядок коммуникации, выраженной в словах, но и обнаружить, как в этот порядок встроены экстралингвистические проявления речи, в частности смех.

Основные обозначения, маркирующие невербализуемые параметры диалога (по Г. Джефферсон)

(0.0)	Цифрами в скобках обозначаются паузы (в секундах) между высказываниями
(-)	Фрагмент речи неясен и не может быть транскрибирован
(.)	Знак короткого промежутка между высказываниями (десятые доли секунды)
(())	Комментарий автора, не является частью высказываний
(слово)	Не совсем отчетливо услышанное высказывание, неточно воспроизведенное
[]	Наложение высказываний
(хх)	Смех, улыбка на лице
.хх	Вдох
хх	Выдох
слоххво	Слово произносится со смехом или улыбкой на лице
=	Между высказываниями вообще нет паузы
слово-	Прерванное слово
. , ? !	Знаки, символизирующие интонацию: завершающую, перечисляющую, вопросительную и восклицательную
:	Растягивание буквы; количество значков приблизительно показывает длину растягивания
<u>слово</u>	Подчеркнутая буква означает интонационное ударение
СЛОВО	Слово произносится очень громко, на повышенных тонах
<u>слово</u>	Слово произносится подчеркнуто энергично и чуть громче обычного
°слово°	Высказывание произнесено заметно тише предыдущего и последующего
↑↓	Повышение и понижение интонации
→	Указание на элемент транскрипта, описываемый в тексте
слово'	«Проглоченное» слово или часть слова, разговорный вариант
(...)	Часть текста, следующего между высказываниями, опущена
< >	Замедление речи; ускорение речи

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Риторика. Поэтика / Пер. с древнегреч. О.П. Цыбенко, В.Г. Аппельрота. М.: Лабиринт, 2000.
2. *Бергсон А.* Смех: Пер. с фр. / Науч. ред., авт. предисл. И.С. Вдовин. М.: Искусство, 1992. С. 126.
3. *Гофман И.* Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта: Пер. с англ. / Под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; вступ. статья Г.С. Батыгина. М.: Ин-т социологии РАН, 2003.
4. *Дмитриев А.В.* Социология юмора: Очерки. М.: РОССПЭН, 1996.
5. *Дмитриев А.В., Сычев А.А.* Смех. Социофилософский анализ. М.: Альфа-М, 2005.
6. *Жан Поль*. Приготовительная школа эстетики / Вступ. статья, сост., пер. и коммент. Ал.В. Михайлова. М.: Искусство, 1981.
7. *Карасев Л.В.* Философия смеха. М.: Российский гуманитарный ун-т, 1996.
8. *Козинцев А.Г.* Об истоках антиповедения, смеха и юмора (этюд о щекотке) // Смех: истоки и функции. СПб.: Наука, 2002.
9. *Троцук И.* Почему люди смеются — вот в чем вопрос... [Рец.] Glenn P. *Laughter in Interaction*. Cambridge, University Press, 2003 // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 175–184.
10. *Юдин Г.Б.* Территориальная локализация и уровень неответов в массовом опросе // Социологический журнал. 2008. № 1. С. 49–73.
11. *Beattie J.* An essay on laughter and ludicrous composition // *Essays: On Poetry and Music*. London: Routledge, 1996.
12. *Glenn P.* *Laughter in interaction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
13. *Heritage J.* Conversation analysis and institutional talk: Analysing data // *Qualitative Research: Theory, Method and Practice* / Ed. by D. Silverman. London: Sage, 1997. P. 161–182.
14. *Hutchby I., Wooffitt R.* Conversation analysis: Principles, practices and applications. Cambridge: Polity Press, 2001.
15. *Hutchby I.* 'Oh', irony and sequential ambiguity in arguments // *Discourse & Society*. 2001. Vol. 12. No. 2. P. 123–141.
16. *Mulkay M., Howe G.* Laughter for sale // *The Sociological Review*. 1994. Vol. 42. No. 3. P. 481–500.
17. *Osvaldsson K.* On laughter and disagreement in multiparty assessment talk // *Text*. 2004. Vol. 24. No. 4. P. 517–545.
18. *Plessner H.* Laughing and crying: A study of the limits of human behavior. Evanston: Northwestern University Press, 1970.
19. *Provine R.R.* *Laughter: A scientific investigation*. New York: Penguin, 2000.
20. *Sacks H.* Lectures on conversation / Ed. by G. Jefferson. London: Blackwell Publishing, 1995.
21. *Sacks H., Schegloff E.A., Jefferson G.A.* Simplest for the organization of turn-taking for conversation // *Language*. 1974. Vol. 50. No. 4. Part 1. P. 696–735.
22. *Schegloff E.A.* Parties and talking together: Two ways in which numbers are significant for talk-in-interaction // *Situated Order. Studies in the Social Organization of Talk and embodied activities* / Ed. by P.T. Have, G. Psathas. Washington, D.C: University Press, 1995. P 31–42.
23. *Schenkein J.N.* Towards an analysis of natural conversation and the sence of *heheh* // *Semiotica*. 1972. No. 6. P. 344–377.
24. *Skinner Q.* Hobbes and the classical theory of laughter [online]. Date of access 03.03.2010. URL: <<http://fds.oup.com/www.oup.co.uk/pdf/0-19-926461-9.pdf>>.
25. *Thomson A.R.* *The dry mock*. Berkeley: University of California Press, 1948.